

Когда была я молода, прекрасна и желанна,
Любовницею многих я мечтала стать, пусть это вам
и странно;
Но я отвергла их, сказав: «Меня не домогайтесь!
И поскорее все подальше убирайтесь!»

Елизавета I

Она заставила себя надеть черное траурное платье. Пусть сердце всю пело от радости, она обязана соблюдать приличия и выглядеть соответствующим образом. Ведь она скорбела по поводу кончины старшей сестры, которую с детства привыкла бояться и ненавидеть. И потому оделась в траур, выбрав черное платье с блестящим тугим корсетом и длинным шлейфом. Свои рыжие волосы она заплела в косу и уложила кольцом вокруг головы. Сейчас волосы и уши скрывала остроколючая шапочка, что было не лишним в этот довольно холодный ноябрьский день — день ее фактического вступления во власть. Весь наряд целиком придавал скромный, но величественный вид, что она прекрасно осознавала, когда, едва скрывая улыбку, шла мимо придворных, успевших наводнить большой зал. Надо же, с какой прытью они поспешили в Хэтфилдский дворец. Зал, спешно драпированный дамастом, будет ее временным залом собраний. Столь же спешно соорудили возвышение, на которое поставили роскошное кресло. Над креслом натянули балдахин из золотистой ткани с королевским гербом Англии в центре. Вдоль стены, обшитой дубовыми полированными панелями, уже дожидались лорды. Увидев ее, они низко поклонились. Быстрым, размашистым шагом она прошла к возвышению и заняла свое место. Свое законное место, о чем постоянно себе твердила. Ее трон.

«Вот оно — средоточие власти, — думала она, улыбаясь застывшим в ожидании советникам и министрам. — Теперь я знаю, каково быть облеченной священной заботой о благе моего народа».

Судьбоносная новость застала Елизавету, когда она гуляла по парку. Итак, милостью Божьей, отныне она — королева Англии. Елизавета понеслась сквозь клочья ноябрьского тумана в Хэтфилдский дворец, дабы возблагодарить Бога за самое щедрое из Его благодеяний. Она поклялась, что не даст Господу оснований сожалеть о явленной милости. Она будет исполнять свой долг и даже сверх того. Она положит конец столкновениям и кровопролитию, будь то на религиозной почве или из-за прав наследования. Она станет матерью для всех своих подданных, которых будет любить и лелеять, как собственных детей, и наставлять на путь истинный. Она завоюет и сохранит их любовь, а они послужат ей щитом против врагов. Увы, враги у нее тоже будут.

Елизавета вглядывалась в лица мужчин, которым предстояло служить ей, женщине до мозга костей, и ее глаза светились и буквально танцевали, а узкое, заостренное лицо торжествовало. Она осуществила свою мечту! Не сломалась, не погибла! И теперь будет править. Ненадолго вдруг захотелось, чтобы отец, великий Генрих Восьмой, дожил до дня ее триумфа. Пока он был жив, Елизавета жаждала его похвал, а ему и в голову не приходило, что дочери тоже способны править Англией. Все годы своего долгого правления король мечтал о сыне-наследнике, потому и шесть раз вступал в брак. Испытывал бы он сейчас гордость, видя Елизавету на троне? Она очень на это надеялась.

Думала Елизавета и о своей матери, поруганной Анне Болейн. Сколько усилий потратило окружение отца, чтобы объявить Елизавету незаконнорожденной. Но она, пройдя бесчисленные страдания и лишения, все-таки унаследовала трон. В этом Елизавета видела промысел Божий. Наконец-то Анна отомщена. Небеса получили отличный повод для ликования. Быть может, Анна знала, что не напрасно проливает кровь на королевской плахе.

Елизавета вздрагивала, но отнюдь не от холода в этом просторном зале. Ее переполняла благодарность Богу, в целостности и сохранности приведшему ее на трон. Ей — двадцать пять. Не считая первых двух лет, вся остальная жизнь была нескончаемым испытанием. Елизавета не сломалась. Она упорно отта-

чивала свою стальную волю. Пережила попытки объявить ее незаконнорожденной, многочисленные скандалы и не менее многочисленные споры о ее дальнейшей судьбе; пережила обвинения в государственной измене и ереси. С детства придерживаясь истинной, протестантской веры, уцелела во всех бурях, устраиваемых протестантам ее набожной сестрой-католичкой. Корабль жизни Елизаветы выдержал все ветры и волны и благополучно достиг безопасной гавани. Кто бы мог подумать, что она, младшая дочь короля Генриха Восьмого, однажды наденет корону?

Место по правую руку от молодой королевы занял сэра Уильям Сесил — давний верный друг, отличавшийся незаурядным умом. В лихие годы испытаний он ни разу не отступился. Сесил подал Елизавете текст воззвания о ее восшествии на престол. Если она одобрит написанное, глашатаи будут читать воззвание по большим и малым городам Англии. Его отправят всем королевским дворам христианского мира.

— Спасибо, Уильям. — И Елизавета незаметно подмигнула.

Она привыкла видеть Сесила серьезным. Но сейчас на его вытянутом лице появилась улыбка. Пощипывая бороду, Сесил поклонился. Ему было тридцать восемь лет. Убежденный протестант, опытный юрист, он без труда занял пост главного советника. Елизавета не сомневалась, что по-прежнему сможет доверять его мудрости, верности и уму. Сесил любил простые радости жизни, отличался усердием в делах, был благоразумен, сдержан и осмотрителен. Но главным качеством оставалась надежность, которую он доказал в мрачные дни правления сестры.

— Ваше величество, необходимо решить вопрос о всеобщем трауре по скончавшейся королеве.

— Трех дней вполне достаточно.

Елизавета сомневалась, что кто-то готов долго оплакивать Марию. В народе хорошо помнили дикие расправы этой истовой католички с еретиками. Мария повелела сжечь триста протестантов. Этому необходимо положить конец. Елизавета уже распорядилась отменить смертные приговоры всем несчастным, что еще томились в тюрьмах в ожидании казни. Она не станет карать за убеждения и веру. Главное — чтобы

ее подданные соблюдали законы и не подрывали устои государства. А лезть им в душу не имеет права даже королева.

— Дальше.

— Ваше величество, мы должны как можно скорее переехать в Лондон. Хэтфилдский дворец и прилегающие строения переполнены, а число желающих быть подле вас продолжает увеличиваться.

Когда выяснилось, что дни Марии сочтены, придворные покинули умирающую королеву и поспешили сюда, дабы снискать благосклонность ее преемницы. Каждый день они вереницей тянулись из Лондона в Хэтфилд. Елизавета невольно вздрогнула. Не приведи господь оказаться в положении Марии: на пороге смерти узнать, что твой двор стремительно пустеет.

Сесил педантично излагал вопрос за вопросом:

— Невзирая на приготовления к коронации вашего величества, есть аспекты, которые мы должны обсудить безотлагательно. В свете того, что грядет переезд двора и всех ваших служб, я бы настоятельно посоветовал назначить королевского шталмейстера.

Глаза Елизаветы неторопливо скользили по лицам собравшихся за столом. Они были полны ожидания. Подобно ей, одетые скромно, но богато, все отличались знатным происхождением, имели титулы и звания, не говоря уже о честолюбивых устремлениях и изрядной доле упрямства. Как женщине, Елизавете понадобится особое умение управлять ими. Однако это же давало и определенные преимущества. Мысль вызвала у Елизаветы внутреннюю улыбку. Быть может, они ждут, что молодая королева начнет щедро изливать свою благосклонность на всех, кого недолюбливала или притесняла покойная сестра? Нет, дорогие. На золотой дождь не надейтесь. Елизавета будет весьма сдержанна и осмотрительна по части привилегий и наград, а потому каждая из них станет цениться выше. Каждая заставит ее окружение трудиться не покладая рук и жить надеждами. Она будет поступать так, как некогда поступала ее мать. Анна ухитрялась проводить свою линию, даже находясь в тени вызывавшего всеобщий трепет могущественного Генриха Восьмого!

Обласканных прежней властью среди собравшихся не было. Некоторым приходилось исполнять приказы покойной королевы Марии, чтобы уцелеть и не погубить свою семью. Елизавета это знала. Так, графы Винчестерский и Сассекский в мрачные дни 1554 года препроводили ее в Тауэр, хотя их сердца и души яростно противились жестокому приказу. Молодая королева не держала на них зла, поскольку оба проявляли к ней максимум милосердия, возможного в их положении. Несгибаемые протестанты Трокмортон и Ноллис предпочли эмиграцию службе у католической королевы. Теперь им не понадобится скрывать свои верования. А вот лорды Шрусбери, Арандел, Пемброк и Дерби... Люди умные и опытные, но непростительно гибкие, не раз менявшие собственные убеждения и взгляды. Вот еще один умный человек, сведущий в юриспруденции, — Николас Бэкон. Рядом с ним Уильям Парр — брат покойной королевы Катерины. При всей любви к Катерине Елизавета частенько ей пакостила... И наконец, лорд Роберт Дадли.

Когда ликующая Елизавета вбежала во двор своей хэтфилдской резиденции, ее там уже ждал Роберт Дадли. Безупречно одетый и, как всегда, неотразимо обаятельный и экстравагантный, он восседал на белом жеребце. Эта сцена навсегда останется в памяти Елизаветы. Роберт и ее вхождение во власть сплелись воедино. Они были друзьями детства. Обоих одновременно заточили в Тауэр. Роберт — сын и внук государственных изменников — сам находился под подозрением. Его отец, герцог Нортгумберлендский, пытался вместо Марии возвести на престол Джейн Грей, за что потом был Марией обезглавлен. Семья Дадли оказалась в опале. Роберт вышел из ворот Тауэра, потеряв все, и потом зубами и когтями возвращал благосклонность Марии. Во время войны с Францией он отличился на полях сражений и наглядно доказал свою верность королеве.

Некоторые считали Роберта Дадли хвастуном, иные при упоминании его имени морщились, однако Елизавета всегда им восхищалась. Она знала: под внешней бравадой скрывается доброта, верность и незаурядный ум. Того, «внутреннего» Роберта знали немногие. Он был горячо предан идеям протестантизма. Его увлекали науки: математика, геометрия и астрономия. Он собирал карты и интересовался мореплаванием.

Он читал античных классиков и прекрасно говорил по-французски и по-итальянски. Роберт одинаково галантно держался на ристалище и на поле сражения. Увы, большинство видело лишь внешнюю сторону и говорило о его необыкновенной лошади и блистательной экипировке. Роберт прекрасно пел и танцевал, бесподобно играл в теннис и до тонкостей знал искусство стрельбы из лука. Однако Елизавета превыше всего ценила его дружбу, не ослабевшую и в мрачные дни правления Марии. Этим Роберт тоже навлек на себя гнев католической королевы. Елизавета понимала, что просто обязана отплатить добром за его доброту.

Их отношения могли бы стать еще ближе, не будь Роберт женат. Сесил уверял, что это чисто плотский брак, где Робертом руководил не здравый смысл, а обыкновенная мужская похоть. Сесил говорил об этом с легким оттенком пренебрежения. Елизавета сомневалась в долговечности брачных уз Роберта Дадли и Эми Робсарт. Эми была хорошенькой, привлекательной женщиной, однако у молодой королевы имелись все основания полагать, что искусством привязать мужчину к себе миссис Робсарт не владеет.

Елизавета не любила вспоминать время своего заключения в Тауэре. Но сейчас вдруг вспомнилось несколько кратких тайных встреч с Робертом, когда по нескольким его словам стало ясно, что ему хочется физической близости с ней. Официально всякое общение между узниками было запрещено, но Елизавете дозволялось гулять по двору, куда выходило окно его комнаты. Они негромко переговаривались, и общее несчастье способствовало их сближению. После двух-трех таких бесед будущая королева уже почти не сомневалась, что Роберт в нее влюблен. Ее же тянуло к нему, как магнитом. Затем об этих встречах стало известно стражникам, и все прекратилось. В дальнейшем, когда Роберта выпустили из Тауэра, а Елизавету — из-под домашнего ареста в Вудстоке, они виделись редко. Роберт воевал, она же старалась держаться от двора подальше, чтобы лишний раз не навлекать на себя гнев королевы Марии. Что ж, таковы были обстоятельства...

Взгляд Елизаветы остановился на смуглом лице Роберта. Его даже прозвали Цыганом, хотя никто не осмеливался произ-

нести подобное прозвище в его присутствии. Елизавете хотелось безотрывно смотреть на Роберта. Она любовалась его мускулистой фигурой, худощавым лицом, темно-рыжими волосами и аккуратной бородкой. Все это напоминало... Нет, сегодня ни в коем случае нельзя думать о нем. Незачем будить былые страхи и ужас.

— Моим шталмейстером будет лорд Роберт Дадли, — сохраняя самообладание, объявила Елизавета. — Вряд ли сыщется кто, разбирающийся в лошадях лучше, чем он. Не сомневаюсь, что лорд Роберт преуспеет и в других качествах: устройстве шествия перед коронацией и развлечений для моего двора.

В зале послышался ропот. Положение шталмейстера предполагало частое общение с королевой, а значит, он мог влиять на нее, как никто другой. Роберт широко улыбался, не обращая внимания на замешательство одних и нескрываемую зависть других. Елизавета тоже игнорировала недовольство придворных. Теперь она — королева; и рядом должен находиться человек, разделяющий ее воззрения и устремления.

Позже, когда все разошлись и Елизавета подписывала в своих покоях государственные бумаги — их гора ничуть не уменьшалась, — вошел Сесил:

— Ваше величество, простите мой дерзкий вопрос, но стоило ли назначать лорда Роберта? Люди еще не забыли честолюбивых замыслов семейства Дадли и того, к чему все это привело. вспомните, сколько голов полетело после того, как герцог Нортумберлендский лишился своей.

— Роберт мне предан и обладает всеми необходимыми качествами, чтобы занять пост королевского шталмейстера, — возразила Елизавета. — А те, кто его упрекают, — обыкновенные завистники.

— Ваше величество, я молю Бога, чтобы Он позволил мне или иному мудрому мужчине направлять вас. При всем уважении вы женщина и потому нуждаетесь в мужском водительстве.

Елизавета подавила улыбку. Она хорошо знала взгляды Сесила на несостоятельность женщин.

— Уильям, а почему ты так считаешь? — сладким голосом спросила она.

Худощавое лицо Сесила вспыхнуло.

— Бог дал мужчинам силу и мудрость, дабы управлять человечеством. Ваше величество имело все права взойти на трон, который прежде занимали ваши предшественники. Но простите меня за прямоту речи... слабость вашей женской природы обрекает вас на принятие советов и подсказок ваших смиренных слуг. Они, ваши смиренные слуги, способны советовать и подсказывать вам, поскольку обладают опытом, а также по причине их мужского разума, превосходящего женский. Книжных знаний, в которых ваше величество изрядно преуспели, недостаточно. Мы живем в опасном мире. Достаточно вспомнить все жизненные бури, через которые вы прошли. Но тогда вы были принцессой, а теперь вы королева.

Елизавета нахмурилась, но внутренне согласилась с последними фразами Сесила. Прежний мир умирал. Само христианство разделилось. Несмотря на могущество католической Европы, протестантские государства отважились выйти из подчинения Риму. И теперь, при Елизавете, к ним присоединится и Англия. Еще не успев короноваться, она нажила себе достаточно врагов. Многие будут улыбаться ей и рядиться в тогу друзей, но преследовать собственные цели. Елизавета сознавала, что большинство европейских дворов считают новую королеву дочерью шлюхи и еретичкой. По их мнению, Елизавета не вправе занимать английский трон. А когда она учредит новую Англиканскую церковь (Елизавета была полна решимости это сделать), ее островное королевство окажется еще в большей опасности.

— Ни мои женские слабости, ни женский разум, уступающий мужскому, не умаляют моей значимости, — с упреком произнесла Елизавета, но быстро сменила тон: — Уильям, ты мой давний друг, и я понимаю твои благие намерения. Я осознаю, что путь моего правления не будет усыпан розами, и поэтому намерена научиться управлять не только Англией, но и собой. Естественно, опираясь на твою мудрость. Раз уж мы заговорили о предшественниках... — Она повернулась к портрету Генриха Восьмого, от которого веяло пугающим величием. — Часто ли тебе приходилось говорить с моим отцом?

— Гм... нет, ваше величество. — Сесил невольно улыбнулся, понимая, что сейчас Елизавета его переиграла. — Но он и не был женщиной!

Елизавета запрокинула голову и рассмеялась. В этот момент она решила убедить всех и каждого, что слеплена из иной глины, нежели остальные женщины.

Спустя три дня молодая королева вновь сидела на троне, под балдахинном, привезенным из дворца Святого Иакова, — крысы, бежавшие с тонущего корабля Марии, захватили с собой и кое-какое полезное имущество. Лорды официально преклонили колени, признав ее своей королевой. Елизавете оставалось лишь назвать имена главных советников и ближайших помощников. Она подготовила речь. Несмотря на врожденный дар красноречия и умение излагать свои мысли письменно, Елизавета потратила немало сил на это первое королевское выступление. И сейчас, читая его перед собравшимися, радовалась произведенному эффекту: труды явно не пропали даром.

Улыбаясь, она подозвала Сесила:

— Уильям, мой верный слуга, я назначаю тебя государственным секретарем. Это высшая должность, существующая в нашем государстве. Поручаю тебе возглавить мой Тайный совет и взять на себя заботу обо мне и моем королевстве. Я знаю тебя много лет, так что успела составить мнение о тебе. Ты неподкупен и не падок на подношения. Ты будешь печься об интересах государства и... — здесь губы Елизаветы дрогнули, — будешь говорить мне не то, что я желала бы от тебя услышать, а то, что считаешь правдой, полезной мне и государству.

Сесил поклонился. На его обычно бесстрастном лице отпечатались признаки волнения.

Один за другим придворные выходили и получали должности. Кругленький, толстогубый хитрец Бэкон стал лордом — хранителем Большой печати. Трокмортон, с его нависшими бровями (что не мешало ему пользоваться всеобщим уважением), Елизавета сделала канцлером-казначеем. Эти и ряд других придворных получали доступ в Тайный совет. Парр смиренно благодарил молодую королеву за восстановленный титул пэра, которого он лишился при Марии. Ноллис — новый

вице-канцлер двора ее величества — был благодарен не меньше. Его женой была мягкая, скромная Кэтрин Кэри, которую Елизавета любила, помимо прочего, и как свою двоюродную сестру. На самом деле Кэтрин являлась ее сводной сестрой, но это держалось в секрете. В относительном, конечно. Внешне леди Ноллис походила на покойного короля. Многие знали, что она дитя любви Генриха Восьмого и Мэри Болейн, тетки Елизаветы. Во время правления Марии Ноллисам, известным своими твердыми протестантскими убеждениями, пришлось покинуть Англию. Сейчас они сияли, радуясь возвращению на родину и благосклонности новой королевы.

Роберта Дадли в Тайный совет не позвали. Когда Елизавета перечислила всех новоназначенных, он выглядел поникшим. Да, Роберт ей предан; да, умен и убежденный протестант, однако Елизавета прислушалась к мнению Сесила. И мысленно решила: пусть Роберт себя проявит и тогда она сразу же введет его в Тайный совет.

Раздав все должности и привилегии, королева вновь обратилась к собравшимся:

— Друзья мои, меня не перестает изумлять ноша, которая столь неожиданно легла на мои плечи. Но я Божье создание и вынуждена подчиниться Творцу. Если Он избрал меня, мне остается лишь смиренно покориться Его воле. Я молюсь о том, чтобы с вашей помощью стать достойной королевой и не посрамить Творца. Однако быть королевой — не значит править единолично. Наоборот, все свои решения и действия я хочу сочетать с мудрыми советами и подсказками. От вас мне нужно только одно: преданность ваших сердец, и тогда вам не придется сомневаться в моей доброй воле. Мне не нужны подданные, цепенеющие от звука моего имени. Мне нужны любящие подданные.

Под гром рукоплесканий Елизавета покинула зал и в сопровождении фрейлин направилась в свои покои. Эти комнаты были ей знакомы с младенческих лет. Теперь они превратились в покои ее величества. В спальне (отныне опочивальне ее величества) Елизавету встретила сияющая Кэт Эшли, ее бывшая гувернантка. Кэт распырало от гордости: она стала камер-

фрау новой королевы и распорядительницей королевского гардероба. Кэт честно заслужила это звание. Когда-то она преподавала Елизавете первые уроки жизни. Кэт учила ее молиться перед сном. Вместе с Елизаветой она прошла все тяготы и лишения последних лет. Кэт добровольно последовала за ней в Тауэр. По сути, она заменила Елизавете мать, и молодая королева радовалась, что может отблагодарить свою добрую няньку. Было немного непривычно видеть скромную Кэт в богатых шелковых одеждах, но раз это не сон, значит прошлое с его ужасами и страданиями действительно осталось позади.

— Дамы, не будем терять время. Ее королевское величество ждет нашей помощи, — громко произнесла Кэт.

К ней сразу же устремились старшие и младшие фрейлины, горничные и служанки, чтобы переодеть королеву для вечернего обеда. Обед, естественно, предполагался скромным, поскольку двор пока что пребывал в трауре. Елизавете предстояло снова надеть черное платье, но на сей раз бархатное, с высоким кружевным жабо. Вполне приличествующий наряд. Кейт Ноллис принялась развязывать ленточки, скреплявшие рукава с корсетом. Когда она приехала в Хэтфилд, Елизавета обняла ее и расплакалась от радости. Отношения с Кейт были полной противоположностью отношений со сводной сестрой Марией. Мария любила Елизавету, когда та была совсем маленькой — просто потому, что обожала детей и всегда молилась, чтобы Бог помог ей стать матерью. Увы, все эти молитвы остались без ответа. А чем старше становилась Елизавета, тем ревнивее и раздражительнее становилась Мария... С Кейт будет очень хорошо. Тем более что в число фрейлин вошла и младшая дочь Кейт Летиция. Елизавете она доводилась двоюродной племянницей. Еще одно знакомое и тоже приятное лицо — Мэри Сидни, очаровательная сестра Роберта Дадли. Об обеих Елизавета была самого лестного мнения.

Единственной, кого Елизавета с радостью оставила бы за дверями своих внутренних покоев, была бледная, вечно хмурая Кэтрин Грей, чью сестру Джейн Мария отправила на плаху, обвинив в попытке узурпировать трон.

При воспоминании о Джейн в душе Елизаветы всегда пробуждались не самые приятные мысли. Их обеих тянуло к новой религии — протестантизму, — однако Джейн стала фанатичной протестанткой, за что и поплатилась жизнью. У нее был шанс уцелеть, обратившись в католичество. Но на все предложения Джейн упрямо отвечала «нет». Ей было всего семнадцать лет, когда палач отделил ее голову от тела. Елизавета всегда вспоминала об этом с содроганием и боялась (не без оснований), что следующей жертвой может оказаться она сама.

Елизавета сомневалась, сумела бы так же смело, как Джейн, вести себя на эшафоте, и от этой мысли неизменно портилось настроение. Кэтрин, младшая сестра Джейн, оказалась благоразумнее. Она без возражений вернулась к старой вере, и Мария обладала Кэтрин, сделав ее своей камер-фрау. Теперь казалось логичным, что из соображений безопасности Кэтрин должна снова перейти в веру, в которой ее воспитали.

«Я жду от нее нового благоразумного шага!» — с раздражением подумала Елизавета.

Однако ее злило не столько метание, сколько то, что Кэтрин не собиралась выходить из католичества. Впрочем, было и еще одно обстоятельство, о котором Елизавета старалась не думать. Если она не родит наследника, следующей претенденткой на трон будет Кэтрин. Нужно заставить эту упрямцу открыто заявить о переходе в протестантизм.

Елизавета точно знала, почему эта девка упрямится. Она видела Кэтрин беседующей тет-а-тет с испанским послом. Наверняка пыталась через посла уговорить короля Филиппа поддерживать ее как католическую претендентку. А может, это был разговор с целью пощекотать Елизавете нервы и объявить Кэтрин своей преемницей? Что бы там ни затевалось, Елизавета почувяла рядом с собой крысу. Кто позволил этой тихоне лезть в опасные дела, не имеющие к ней никакого отношения? Более того, новая королева откровенно испугалась. Законность претензий Кэтрин ни у кого не вызывала сомнений. Хорошо, что парламент вывел из игры еще одну претендентку на английский престол — Марию Стюарт. Основание было более чем серьезным: она не родилась на английской земле. А вот с Кэтрин надо держать ухо востро. Именно поэтому Елизавета

понижила ее в звании, сделав всего лишь фрейлиной королевской приемной. Возможно, Кэтрин сообразит, что времена изменились, и оставит свои претензии на власть.

Пока женщины развязывали и расстегивали ее платье, Елизавета дружески обняла Кейт Ноллис:

— Дорогая сестрица, больше я тебя никуда не отпущу. Теперь ты должна как можно чаще находиться при мне. Ведь ты моя любимая фрейлина.

— Почту за честь, госпожа, — ответила Кейт, правда без особой радости.

— Бесс, а что будет с ее детьми? — влезла в разговор Бланш Пэрри, старая нянька Елизаветы. Та считала, что заработала право задавать вопросы и говорить без обиняков. — Кто будет присматривать за ними, пока их мать выгнано вываивает при твоём дворе? А что скажет ее муж? Думаешь, ему понравится, что ты разлучаешь его с женой?

Кейт покраснела.

— Успокойся, Бланш! — прикрикнула на нее Елизавета. — Кейт не возражает. Она может свободно видаться с детьми и иногда привозить их ко двору. Что касается тебя, моя старая ворчунья, я слишком тебя люблю, чтобы за дерзкие речи ссылать в Тауэр. Ты у меня будешь заведовать моими книгами. Содержать их в порядке. Ты же обожаешь читать.

Бланш замолчала. На ее старческом лице появилась довольная улыбка. Кейт тоже улыбнулась, но через силу: она обожала мужа и малышей и не представляла себе долгой разлуки с ними. Но и Елизавету любила слишком сильно, чтобы решиться ее покинуть. Вместе они пережили немало тяжелых минут, и у королевы не было родственницы ближе, чем Кейт. Новый титул резко изменил жизнь Елизаветы, отделив ее от простых смертных и сделав недосягаемой. Разве могла Кейт ей отказать?

На следующее утро Елизавета поднялась рано. После нескольких дней встреч с министрами и советниками тянуло поскорее выбраться на свежий воздух. Ревностно исполняя свои новые обязанности, Роберт Дадли подыскал и оседлал для нее

прекрасную лошадь. Вторая была оседлана для него, ибо должность шталмейстера обязывала Роберта сопровождать королеву во всех ее прогулках верхом и путешествиях. Он снял траурные одежды и облачился в изумительный темно-зеленый бархатный камзол, который небрежно накинул на плечи. Елизавета снова залюбовалась его красивым лицом с выступающими скулами и прямым носом. А как чудесно выглядели обтянутые белыми панталонами стройные ноги! Вне всякого сомнения, Роберт был самым обаятельным из ее придворных.

Завидев Елизавету, он снял шотландскую шапочку с перьями и поклонился. Королева лишь любезно улыбнулась, хотя у самой бешено колотилось сердце. Рослая для женщины, рядом с Робертом она чувствовала себя коротышкой. Ей это нравилось. Что не нравилось, так это новая официальность в их отношениях. Ведь они дружили с детства, и вот теперь она стала королевой, а Роберт вынужден держать дистанцию и оказывать ей предписанные этикетом почести. Елизавета очень скучала по прежней простоте их отношений.

— Ваше величество, позвольте мне вас посадить.

И Роберт сложил ладони чашей, делая из них ступеньку для Елизаветы.

— Наедине со мной — никаких «ваше величество». Разве мы перестали быть давними друзьями?

— Я надеялся, что твое величество об этом помнит, — улыбнулся Роберт.

— Неужели такое можно забыть? В детстве ты звал меня Бесс. Робин, оставь придворный этикет. Мы слишком давно знаем друг друга.

— Как-то странно называть ее королевское величество просто Бесс. Детство — это детство. Мы уже не дети.

— А мне странно, что отношения между друзьями могут вдруг охладеть. Ведь, надеюсь, мы по-прежнему друзья? — Елизавета любовалась его темными волосами, которыми играл ветер.

— Я тоже надеюсь. И даже больше, — с прямолинейностью медведя на фамильном гербе Дадли ответил Роберт.

— Значит, ты надеешься?